

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

СТРАХ И ОТВРАЩЕНИЕ
В ЛАС-ВЕГАСЕ

18+

РОМАН

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Хантер Томпсон

Страх и отвращение в Лас-Вегасе

«АСТ»

1971

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Томпсон Х. С.

Страх и отвращение в Лас-Вегасе / Х. С. Томпсон — «АСТ»,
1971 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-085748-7

«Страх и отвращение в Лас-Вегасе» – одна из самых скандальных книг второй половины XX века. Книга, которую осуждали и запрещали. Книга, которой зачитывались и восхищались. Книга, в которой само понятие «Американской мечты» перевернуто с ног на голову, в которой видения и галлюцинации становятся реальностью, а действительность напоминает кошмарный сон. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085748-7

© Томпсон Х. С., 1971
© АСТ, 1971

Содержание

Великая акула Хант	6
Страх и отвращение в Лас-Вегасе	16
Часть первая	17
1.	18
2.	23
3.	26
4.	31
5.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хантер С. Томпсон

Страх и отвращение в Лас-Вегасе

Hunter S. Thompson

FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS

Печатается с разрешения The Gonzo Trust и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

© The state of Hunter S. Thompson, 1971

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Великая акула Хант

Октябрь – ноябрь 1971-го, «омерзительного года Господа нашего». На страницах журнала «Роллинг Стоун» в двух номерах появляются главы из романа некоего Рауля Дьюка «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» с иллюстрациями Ральфа Стэдмэна. После всей шумихи, вызванной публикацией, псевдоним был вскоре раскрыт: так в американскую литературу, журналистику и политическую жизнь вломился доктор Хантер Стоктон Томпсон – Великая Акула Хант, враг № 1 американских политиков, представителей закона и «молчаливого большинства». После Уильяма Берроуза в американскую жизнь ворвался новый, действительно социально опасный, но от этого не менее талантливый писатель. Уильям Берроуз сломал классической американской литературе хребет. Хантер Томпсон выбросил труп Американской Мечты на помойку. Дядя Билл и доктор Томпсон – они создали свою Мечту.

После выхода книги прошло уже тридцать лет, но она все еще остается символом «рожденных проигрывать, но с улыбкой на устах выживать» в этом цивилизованном, добропорядочном холокосте. Роман породил бесчисленное количество имитаторов – каждую неделю в британской или американской прессе появляется по крайней мере десяток статей, написанных под его влиянием. Даже в беспонтовые воскресные дни можно наткнуться на что-нибудь вроде «Страх и отвращения Джо Паскваля», но это отнюдь не гарантирует, что автор закидывается кислотой или вынюхивает галлоны сырого эфира, жестокого анестетика, моментально отправ-

ляющего тебя в ту «последнюю базу, лежащую за солнцем», куда ты можешь попасть еще, вылакав с десятков литров доброго вина или литр водки.

Уилл Селф, еще один замечательный автор (читай «Junk Mail») из когорты литераторов, стоящих вне закона, будучи подростком, развлекался со своими приятелями, раскатывая под громкую музыку по стране на «Триумфах Толедо», вдыхая нитрат амила и разыгрывая сценки из «Страх и отвращения». Вколоть себе героин на самолете Джона Мейджора, в окружении паскудных горилл, – да, это безумство, достойное доктора журналистики Томпсона, во всяком случае находится в его юрисдикции, а не в лапах очкастого выкормыша Железной леди.

Одноименный фильм Терри Гиллиама (в русском прокате «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»), премьера которого состоялась 16 мая 1998-го на Каннском фестивале, лишь акцентировал ренессанс Томпсона в девяностые – новое поколение наконец-то дорвалось, и все в один голос начали обсуждать, что же такое «гонзо»: в стиле «гонзо» стало модно писать, об этом стало модно рассуждать, «гонзы» стали множиться как кошки; в воронке после разрыва крылатой ракеты «Страх и отвращения» блаженствуют мышиные семьи эпигонов. Кстати, фильм добавил очередную порцию к набору мифов о Хантере Томпсоне: как он впервые встретился с Джонни Дэппом и сразу же спросил его, достаточно ли сильно он бьет по физиономии Кейт Мосс; первый предполагаемый режиссер этого фильма Алекс Кокс (самый известный его фильм – «Реро Мап» – «Угонщик») был отвергнут, так как по причине своего вегетарианства отказался есть специальную сосиску, приготовленную ему Хантером; кража всемирно известным писателем отснятых дублей из дома Гиллиама и попытка сжечь их во время вудуистской церемонии (это, конечно, все слухи, не имеющие под собой никаких оснований).

Сегодня Томпсон стал в глазах обывателей и журналистов таким же пугалом, как и монстроидные персонажи, нарисованные Ральфом Стэдмэном. В газетах в свое время утверждали: «Этого ненормального маньяка можно остановить только атомной бомбой. То, что Хантер Томпсон все еще на свободе, убедительно доказывает всю беспомощность американской законодательной системы». Благодаря своим работам, выходкам и своему эго, Хантер стал общественно значимой фигурой еще задолго до того, как превратился в знаменитость. Его харизма и беспощадное в своей откровенности слово породили миф, сравнимый разве что с мифом о Чарльзе Мэнсоне – многие действительно ставят их рядом, в том числе друзья и биографы Томпсона. Если доктор когда-нибудь умрет, то останется навсегда живее всех живых в популярной культуре. Я вспоминаю свой разговор с одним американским фотографом, который высказался о Хантере так: «Если все люди неожиданно сойдут с ума, то Хантер Томпсон несомненно будет президентом этой огромной психбольницы. Полицейские начнут в обязательном порядке принимать мескалин. Весь мир станет одной большой галлюцинацией». Интересно, что Хантера Томпсона на Западе увлеченно читают сами представители закона, которые, если следовать логике российского Закона о наркотиках, давно должны были упрятать Акулу Ханта за решетку (такая попытка была сделана в Штатах в начале девяностых, когда Томпсона пытались посадить сразу по десятку обвинений, ни одно из которых не прошло в суде, и доктор был полностью оправдан – об этом процессе можно прочитать в его книге «Песни Проклятого»). «Старый дегенерат все еще никак не угомонится», – напишут в рецензии на его предпоследнюю книжку «Лучше, чем секс. Откровения политического джанки». «Но должен же кто-то стремать этих ублюдков», – ответит на это один из создателей веб-страничек, посвященных Акуле Ханту.

В начале семидесятых было много произведений гедонистского толка, но ни одно из них не сравнится по убойной силе с любым отрывком из «Страх и отвращения»... Словно обезумевшие от спида Бонни и Клайд или обкисленные рыцари, ищущие Грааль, Дьюк и доктор Гонзо вскрывают «брюшину правде-матке» в логове «психопатов» – в Лас-Вегасе, этом чернушном воплощении Американской Мечты, вонючие споры которой испоганили мозги миллионов людей. Вооруженная до зубов арсеналом «гнусной химии» парочка мутантов завали-

вается на полицейскую конференцию, посвященную проблеме наркотиков, просто из чувства долга. «Если «свиньи» со всей страны собираются на наркоконференцию высшего уровня, то мы остро чувствовали, что наркотическая культура тоже должна быть там представлена», – напишет Томпсон. Эти два персонажа стали пионерами, героями контркультуры, чье сумасшествие – микрокосм расплывающегося по стране безумия в начале семидесятых.

1971 год. Черный год. Год ненависти, страха и отвращения. Шакалы приходят из пустыни на запах крови Шарон Тейт. Другой шакал все еще сидит в Белом Доме. Америка все еще во Вьетнаме. Битлз больше нет. В Южной Калифорнии крупное землетрясение. Журнал «Тайм» объявляет президента Ричарда Никсона «Человеком Года» – с обложки на читателей смотрит злобная кукла из папье-маше: кричащие, пугающие стерильных, добропорядочных американцев заголовки газет. Шестидесятые испустили дух вместе с черным в Алтамонте под «Симпатию к Дьяволу» «Роллинг Стоунс». Сахарные мир, любовь и невинность Вудстока засыпаны песком, как кровавые пятна в римском амфитеатре после боя гладиаторов. Хендрикс, Джоплин и Моррисон мертвы. Все трое от передозировок. На секретной встрече с Никсоном Элвис Пресли предлагает свои услуги в качестве тайного наркоагента. Вынесен смертный приговор Чарльзу Мэнсону за убийство Тейт-Ла-Бианки (заменен пожизненным заключением). «Я никого не убивал и не приказывал убивать, – говорит он в своем последнем слове. – Я думаю, вам пора обратить внимание на ту ложь, которой вы живете. Ваша игра – игра в деньги. Вы продаете прессу, сенсации, вы можете смеяться над кем угодно и смотреть на любого сверху вниз. Вы торгуете газетами ради создания общественного мнения, зависите от него и не ведаете, что творите. И все – ради денег и внимания других... Вы сделали меня по своему образу и подобию дьяволом-садистом, потому что я – это вы. Во мне вы видите свое отражение – ведь и мне плевать на ваши дела и на вас... Разве вы не видите, что я свободен?» Идеализм шестидесятых сменился откровенным цинизмом – а был ли еще какой-нибудь выход?

Полиция задерживает 12 тысяч антивоенных демонстрантов в Вашингтоне. Пацифист-герилеро Дэниэл Элисберг публикует в «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» «Материалы Пентагона» – подборку информации по операциям Министерства обороны во Вьетнаме. За ним установлена круглосуточная слежка, записывается каждый его разговор. Закрыто радио «Underground» в Пасадене. Уволено 28 его сотрудников. Певец и поэт Роки Эриксон сидит в психушке за употребление ЛСД и общение с духами. Музыканты MC5 тоже сидят. Писатель Кен Кизи вышел и отправился в добровольную ссылку на ферму брата. Тимоти Лири после побега из тюрьмы переправляют в Алжир, где он что-то необдуманно брякает об ЛСД-изации Африки для укрепления антиимпериалистической солидарности, и тут же высылается из страны. Растет раковая опухоль Уотергейта. Молодежь терроризируют законом Харрисона о наркотиках.

Американская Мечта давно уже была кошмаром, но никто еще не осмеливался заявить об этом во всеуслышание. Поэтому для одного очень серьезного доктора журналистики единственным разумным выходом было поставить все с ног на голову, выйти за пределы клишированного языка, открыто надругаться над американским законодательством и «семейными ценностями» и назвать все это – «ГОНЗО» (сумасшедший, чудной, абсурдный, дурацкий, гоночный, тележный).

Хантер С. Томпсон родился 18 июля 1937 года в Луисвилле, Кентукки. В зависимости от ситуации он говорил, что родился в 1939-м, поэтому биографы путаются до сих пор. Джералд Тайрелл, его друг детства, вспоминает, что Хантер еще в школе был магнитом, к которому тянулось все местное хулиганье, – никто лучше него не сколачивал бейсбольные команды или организовывал пивные вечеринки по пятницам. Уже тогда он умело манипулировал людьми – со временем эта техника будет доведена им до совершенства. Хантер прекрасно сходилась с самыми, с точки зрения общества, «неприкасаемыми» людьми в школе. А позднее, у него появится одно из наиболее поразительных по своей пестроте окружений, почти семейный круг

близких друзей – писателей, адвокатов, спортивных промоутеров, музыкантов и политиков. Редкая способность Томпсона выходить сухим из воды вытаскивала его из любой пиковой ситуации. Однажды вечером в Пуэрто-Рико он отправился с приятелем, фотографом Робертом Боуном, на свалку Сан-Хуана стрелять крыс. Их замела полиция, и Боун утверждает, что Хантер прямо-таки запудрил им мозги, но облажался в самый последний момент. «Нас арестовали и доставили в тюрьму. Но Хантер, конечно, со своим невыразимым шармом, тут же скорешился с полицейскими. На самом деле мы успели выбросить пистолет... так что у них были лишь какие-то сомнения... и в конце концов мы вместе уселись пить кофе. А потом Хантер закинул ноги на стол, откинулся немного назад, и из его кармана посыпались на пол патроны для «Магнума-357». Они бросили нас обратно в кутузку и позвонили в посольство».

К тому времени Томпсон уже дважды оказывался за решеткой. Так, весной 1956-го его забрали с несколькими приятелями за вандализм, а также обязали заплатить штраф в 200 долларов за ущерб, причиненный тюремному имуществу. А летом того же года он попался по обвинению в краже, просидел месяц, посылая друзьям длинные смешные письма, и был отпущен, поскольку вместо отсидки отправился служить в Военно-воздушных силах США.

На базе ВВС во Флориде Хантер вел спортивную страничку в местной газете. Вскоре он начал рассылать репортажи о жизни на базе другим таблоидам, однако начальство попыталось положить этому конец. Проигнорировав предупреждение, Томпсон продолжал писать, но теперь уже под псевдонимом «Себастьян Оул» (эти репортажи будут позже включены в книгу «Великая Акула Хант»). Но его все равно раскрыли, и 8 ноября 1957 года будущий автор «Страх и отвращения» был с позором изгнан с воинской службы. Далее – Нью-Йорк, курсы Колумбийского университета, неудачная попытка написать первый роман. Получив в конце 59-го от матери из Луисвилла небольшую сумму, Хантер отправляется с приятелем в Южную Америку. Временно он осел в Пуэрто-Рико, где начал писать для журнальчика «Эль Спортиво», освещавшего спортивную жизнь на Карибах. После того как журнал целиком посвятил себя процветавшему тогда в Пуэрто-Рико боулингу, Томпсон расторг соглашение с ним и двинулся дальше на юг. Он кочует из издания в издание. Короткие заметки для «Бостон глоуб», репортажи в ныне уже исчезнувший нью-йоркский «Геральд трибюн». После того как Хантер разослал предложения в несколько журналов, его взяли на работу южноамериканским корреспондентом журнала «Нэшнл обсервер», первоначально бывшего воскресным приложением к «Уолл-стрит джорнэл». Согласно биографу Томпсона Уильяму Маккину, его заметки для «Обсервера» часто помещали на первой странице, и уже тогда в них угадывались наметки того яростного, отчаянного стиля, к которому он пришел позднее.

«Нэшнл обсервер» принадлежал компании «Доу Джонс» – странное место для репортера, сделавшего себе имя, по мнению некоторых злопыхателей, на приеме за рулем нечеловеческого количества опасных наркотиков. Карьера Томпсона в качестве штатного корреспондента закончилась в 1965-м, но свой последний заход на этом поприще он сделал в апреле 1975-го, отправившись во Вьетнам обозревать окончание 40-летней войны в Индокитае, войны, бывшей притчей во языцех, фетишем американской контркультуры, о которой им столько было написано. Эти репортажи опубликовали только в 1985-м, и они говорят о падении «Парижа Востока» больше, нежели все военные отчеты, вместе взятые. Хантер безжалостно вынес на читательский суд всю кухню журналистских разговоров во время последних дней американского присутствия во Вьетнаме – никто и никогда до него этого не делал. Впрочем, чему удивляться. Когда был опубликован «Страх и отвращение», его отчет об этом диком и разнузданном путешествии подвергся обструкции со стороны всех борцов за сохранение чистоты жанра, а сам стиль его и по сей день преподносится студентам журналистики как стиль антихриста: пиши, как этот чертов лунатик, и ты больше никогда не получишь работу...

Истории, которые Томпсон в свое время подкидывал «Нэшнл обсервер», заложили основу того мастерства, которое он с блеском продемонстрировал в «Страхе и отвращении»

и в Сайгоне 13 лет спустя. Рисковал ради хорошего репортажа доктор постоянно... В 1961 году, когда Томпсон жил у своего друга Денниса Мерфи в Биг Сур, Калифорния, он совершенно затерроризировал владельцев гейского бассейна, подкидывая им туда для разнообразия доберманов. В отместку пидоры напали на него всем скопом и жестоко избили. Вскоре после этого в журнале «Роуг» была напечатана статья – «Биг Сур: Сад агонии». Миссис Мерфи очень не понравилось то, что друг ее сына написал о ее собственности, и она с позором выгнала из своего дома неблагодарного, как она выразилась, проходимца.

6 августа 1962 года в «Обзервере» появилась статья Томпсона «Вольный американец в логовище контрабандистов», повествующая о его пребывании на северо-восточном побережье Колумбии, в деревне Пуэрто-Эстрелло. Безобидная на вид рыбацкая деревушка. Пуэрто-Эстрелло была перевалочным пунктом транспортировки оружия и наркотиков (к которым Хантер всегда питал известную слабость). Потный, глупо ухмыляющийся журналист с пишущей машинкой, двенадцатью долларами в кармане и пятью сотнями в фотоаппарате, не говорящий ни слова по-испански, не имеющий понятия, где он остановится, фланирует среди толпы глазеющих на него индейцев. Наконец он устраивается на ночлег в заброшенном госпитале, где ему отвели какой-то закуток с выбитыми стеклами и вонючим матрацем.

Стиль Томпсона начал настораживать редакторов «Нэшнл обзервер», а статьи становились все более политически направленными, нежели отчет о визите в индейскую деревушку контрабандистов. Так называемая биполярная «объективность» в его репортажах подменяется рассказом от первого лица – читатель видит, слышит и чувствует вместе с автором. В статье «Почему ветер антигринго часто дует с южной границы» он безжалостно препарировал тех англо-американских уродов, чье корыстное и презрительное отношение к местному населению вызывает всеобщую ответную ненависть латиноамериканцев к янки и британцам. В качестве яркого примера Хантер приводит рассказ об одном богатом англичанине, игравшем в гольф в особняке, выстроенном на крыше высотного дома в самом центре Кали. Пущенные им во время игры шары часто летели в город, но никого из присутствующих даже не интересовало, где и на кого они падают. Политическая сатира и малоприятные для обывателя детали появляются снова и снова, и впоследствии прогремят в его отчетах из Вьетнама, где Томпсон продолжит писать о «злых американцах», отравляющих воздух в других странах.

Он вернулся домой незадолго до убийства президента Кеннеди, колесил по средним и западным штатам, освещая музыкальные фестивали и всякие события местного значения. Устроился книжным рецензентом, но вскоре бросил и это, когда редактор завернул его рецензию на роман Тома Вулфа. А первым репортажем, который окрестили «гонзо», стал знаменитый скандальный отчет о скачках в Луисвилле в 70-м – «Дерби в Кентукки упадочно и порочно», где он больше писал о так называемом «белом отребье», местных маргиналах, нежели о лошадях. Он даже не упомянул победителя. Беспробудно пьянствуя и отрываясь по полной химической программе, Хантер умудрялся записывать – время от времени – обрывки своих мыслей на салфетках, обертках, счетах, а когда подошел срок сдачи статьи, он с ужасом понял, что мятые салфетки – это единственное, что он может послать издателю... «Ну да, все начиналось тогда как по заказу – мы обедали в Эспене с писателем Джимом Солтером. Такой типичный долгий европейский обед, вина хоть залейся, и тут Солтер сказал что-то вроде: «О, скоро начнется дерби. Ты собираешься туда поехать?» И я подумал: «Да чтоб мне провалиться, хорошая ведь идея, черт возьми». Тогда я работал с Уорреном Хинклем в журнале «Скэнлон». Позвонил ему в четыре утра и заявил: «У меня замечательная идея, мы должны ехать на дерби. Это грандиозный спектакль, который когда-либо проводился в этой стране...». И Хинкль сразу протаскился...». С чувством юмора у редактора тоже было все в порядке – статья появилась в печати.

На самом деле о «гонзо» впервые упомянул близкий друг Томпсона Билл Кардосо в 1970 году, который, прочитав «Дерби в Кентукки», послал ему следующее письмо: «Не знаю, какого

хрена ты так делаешь, но ты все совершенно изменил. Это против всех правил – полное сумасшествие (то есть гонзо)». Через какое-то время, когда Томпсон вырос в фигуру национального масштаба, слово «гонзо» специально включили в Оксфордский словарь английского языка.

В гонзо-журналистике нет никаких установленных правил, не обязательна структура, часто отсутствуют схемы, налицо несоответствие формы содержанию – ее можно сравнить с ревом водопада, со скрежетом внезапно врезающихся друг в друга машин, пронзительным скрипом тормозов, воем сирен и полицейской облавой, когда последние обрывки рациональных мыслей исчезают, как пакетик каннабиса в туалетной бачке. Собственное определение Томпсоном гонзо-журналистики со временем менялось, но он по-прежнему настаивает, что хорошему гонзо-журналисту «необходим талант, непосредственность и спонтанность мастера живого репортажа, глаз художника или фотографа и стальные яйца актера» и что гонзо – «репортажный стиль, основанный на идее Фолкнера», дескать, «лучшие литературные произведения куда более правдивы, чем какая-либо разновидность журналистики». Среди других определений гонзо: журналистика вне закона, новая журналистика, альтернативная журналистика и литературный кубизм.

Многие критики считают, что гонзо – одно из ответвлений новой журналистики, основоположником которой был Том Вулф. Некоторые писатели и журналисты, осознав, что объективность в изложении новостей является мифом, которым пичкают «молчаливое большинство», начали писать о событиях так, как они видели их собственными глазами. Излюбленными были темы, относившиеся тогда к контркультурным проявлениям, такие, как пацифистские демонстрации, наркотики, дети цветов и музыка. Традиционная мейнстримовская пресса их просто игнорировала или извращала. Популярность «новой» журналистике обеспечил стиль, «дискредитировавший псевдообъективное сновидное газетных и журнальных заголовков применением в журналистике техники реалистического романа». Современная музыкальная журналистика, в лучших ее проявлениях, целиком вышла из «новой» журналистики. Единственная книга Томпсона, попадающая под определение НЖ, «Ангелы ада. Странная и ужасная сага мотоциклетных банд», вышедшая в 1966 году в издательстве Random House. Как говорили сами «ангелы», «это единственная правдивая книга, когда-либо написанная о нас». «Я кончил тем, что купил себе мотоцикл и выехал с ними на шоссе» («Песни Проклятого»). Сначала предполагалось, что Хантер напишет статью об «ангелах» для «The Nation». Вместо этого он втирается к ним в доверие настолько, что принимает активное участие в «ангельских» оргиях и дебошах, а статья постепенно перерастает в репортажное исследование, камня на камне не оставляющее от того демонического имиджа, созданного «ангелам» средствами массовой информации. Кстати, Томпсона можно увидеть в эпизодической роли фильма «Ангелы ада на колесах» с молодым Николсоном в главной роли: Хантер играет отъехавшего от дури художника, разрисовывающего животы «мамочкам» «ангелов» на вечеринке. 22 июля 1965-го – Хантер берет «ангелов» на ранчо к Кену Кизи – пройти через кислотный тест. Записи с этой знаменитой вечеринки, на которой собрались вместе «разбитые», хиппи, «ангелы» и «новые» журналисты и которую потом воспоет в стихах Аллен Гинзберг, Томпсон предоставит Тому Вулфу. Впрочем, дружба с «ангелами» не мешает последним избить доктора до полу-смерти в День Труда 1966-го – байкерам неожиданно пришлось в голову, что их просто-напросто использовали. Отличие Хантера Томпсона от Тома Вулфа в том, что если последний напминал стрелка, только рассматривавшего жертву в прицел снайперской винтовки, то первый бросался в штыковую атаку с одной саперной лопаткой. Он вышел за предел, до которого так и не смог добраться Норман Мейлер и у которого остановился Вулф. И в одиночку двинулся дальше.

По окончании работы над «Ангелами» Хантер делает своей постоянной резиденцией ферму «Сова» в Вуди Крик, однако большую часть времени проводит на дороге. Тогда же, в 1967-м, он впервые встречается с адвокатом Оскаром Зетой Акостой (будущим доктором

Гонзо «Страх и отвращения») в баре «Первоклассная утка». Они быстро нашли общий язык и, согласно «Автобиографии Бурого Бизона» Акосты, разогнали слезоточивым газом мирную демонстрацию, облачившись в черные маски. А в июне 1967 года разгорелся первый скандал, который впоследствии станет частью мифа гонзо и будет отражен на страницах не менее известной книги «Страх и отвращение: По следам президентской кампании 1972 года». Томпсон публично потребовал, чтобы Ларри О'Брайен оставил свой пост губернатора в Самоа.

Первый роман Томпсона, «Дневник под Ромом», написанный в 1962-м, так и остался в рукописи (опубликован в прошлом году). Более того, ему пришлось устроить налет на редакцию «Рэндом Хаус», чтобы выкрасть единственный оставшийся в живых экземпляр рукописи. В июне 68-го Хантера избивает полиция на съезде Демократической партии в Чикаго. Именно это событие убедило его, что он должен быть лично вовлечен в политику, а не оставаться сторонним, пусть и небезучастным, наблюдателем. Полицейский произвол начинает раздражать его даже в тихом Эспене. С этого момента «свиньям» объявляется настоящая война. «Вообще-то, спецслужбы я оставил в покое в самом начале 72-го, когда побывал на вечеринке в отеле «Балтмор» в Нью-Йорке, в честь победы Макговерна на предварительных выборах, и там в номере торчало около десяти агентов. Трое из них, не таясь, передавали по кругу косяк... их глаза чуть не выскочили из орбиты, когда я вошел... прекрасный момент конфронтации. Я не хотел быть рядом с ними, и они этого не хотели. Косяк был немедленно затоптан, и они делали вид, что ничего собственно не произошло. Но в комнате стоял лютый травяной кумар...»

«А потом никаких неприятностей, за исключением того, что они пытались выкинуть меня из Белого Дома во время всей этой байд с импичментом. Я назвал охранников нацистскими хуесосами, и, чтобы попасть в Белый Дом, мне пришлось дать обещание, что я никого больше не назову нацистским хуесосом. В конце концов они пустили меня внутрь».

«Но вот однажды я попал в историю, когда не был пьян или обдолбан. Это вообще один из тех немногих случаев, когда были напряги. У меня в бардачке лежал заряженный «Магнум-44», а рядом, на переднем сиденье – бутылка «Дикого индюка»... И я сказал себе: «О, пришло время опробовать на деле совет одного хиппового адвоката: опустить стекло ровно настолько, чтобы пролезли водительские права». Так я и сделал. Уже полагал, что отвязался, как вдруг дверь с другой стороны открылась и мне в рожу пихнули фонариком, а рядом с ним перед глазами маячил большой, грязный «Магнум-57». Они выкинули меня из машины и распластали на капоте. Я что-то вякнул о своих конституционных правах и получил в ответ: «Ну, подай на нас в суд» – тут мне звезданули дубинкой по ногам. Я сдался, сунул 35 долларов в лапу, потому что это было проще, нежели препираться весь оставшийся день в участке. Я только что купил машину. Это был «Сааб». А за ночь до того я сбросил свой английский «форд» со скалы в Биг Суре, с высоты 400 футов над океаном, и рассчитался с ублюдком за все те неприятности, которые он мне доставил. Мы облили его бензином, подожгли и столкнули вниз.

После этого случая я решил очень вежливо вести себя с дорожным патрулем Калифорнии. На заднем стекле машины у меня всегда была приклеена эмблема Национальной стрелковой ассоциации, так что любой легавый мог ее увидеть, когда я проезжал мимо. А в бумажнике имелся полицейский значок – это тоже много раз помогало» (Из интервью журналу High Times).

В феврале 69-го он пишет «Первый визит с Мескалитом» (позже появится в «Песнях Проклятого»). Этот маленький отрывок, написанный в номере лос-анджелесского отеля, был предтечей «Страх и отвращения»; закинувшись мескалином, Томпсон яростно долбил по клавишам печатной машинки, ожидая появления Оскара, собиравшегося отвезти его в аэропорт.

В конце 70-го Хантер выдвигает свою кандидатуру на пост шерифа в округе Питкин, штат Колорадо, от движения Freak Power Uprising – он предлагает переименовать Эспен в Фэт-сити и легализовать продажу наркотиков. До победы ему не хватило всего 465 голосов. Выборы привлекли к себе внимание национальной прессы и телевидения – «просто еще один кислотный

урод в Королевстве уродов». Но «урод», как и Уильям Берроуз, оказался на редкость живучим – наглядное свидетельство всей лживости наркоистерии. Шум вокруг кампании Томпсона убедил амбициозного издателя журнала «Роллинг Стоун» Йена Веннера, что лучшей кандидатуры в качестве редактора международного отдела ему не найти. 1 октября 1970-го в 67-м номере «Роллинг Стоун» выходит первая статья Хантера «Битва за Эспен», повествующая обо всех подробностях вакхо-кислотной предвыборной гонки за пост шерифа. Том Вулф включает отрывок из «Ангелов ада» и весь отчет о дерби в Кентукки в свою неподъемную антологию «Новая журналистика» – только Вулф и Томпсон представлены там дважды.

И наконец «мы были на краю пустыни, неподалеку от Барстоу, когда нас стало накрывать...» Хантер расследовал обстоятельства убийства знакомого журналиста Рубена Салазара, друга и клиента Акосты, и подумал, что единственным способом заставить адвоката разговаривать будет умотать с ним из Лос-Анджелеса ко всем чертям. Под предлогом мнимого репортажа на 250 слов о «Минт 400», «богатеишей мотоциклетной гонке за всю историю профессионального спорта» для журнала «Sports Illustrated», Томпсон и Акоста берут напрокат красный «шевро» с откидным верхом и исчезают в пустыне. Хантер подошел к вопросу освещения гонки и своего собственного расследования своеобразно. Путешествие с джентльменским набором «опаснейших веществ» («Мы приняли достаточно спида, чтобы Гитлер 50 дней оставался на ногах в своем бункере, и достаточно кислоты, чтобы заставить его думать, будто он находится в Австрийских Альпах»), а также «Магнумом-357» началось. В поисках Американской Мечты герои направляются в ад собственного сознания. «У меня была идея, – писал Томпсон, – купить толстую записную книжку и регистрировать все, что с нами происходит, затем послать ее в издательство для публикации – без редактуры... Но это очень тяжело сделать, и в итоге я обнаружил, что мне навязывают необходимую литературную композицию, балансирующую на грани между правильной и сумасшедшей журналистикой. Как настоящая гонзо-журналистика это уже совсем не работало – а даже если и проходило, я не мог это принять. Только чертов лунатик мог написать такую вещь и потом кричать на всех углах, что это правда».

В итоге то, что начиналось как чистое гонзо-журналистское безумие, закончилось появлением одного из самых впечатляющих романов второй половины двадцатого века и одного из самых правдивых. Все остальное – как и жизнь Томпсона – уже история, вернее, множество историй вокруг одного человека чудовищной воли и сумасшедшего чувства юмора, человека, который никогда не сказал себе «нет», выжил и продолжает издеваться над окружающим миром в свое удовольствие. «У «Страх и отвращения в Лас-Вегасе» есть все элементы классических мифологических историй, – замечает продюсер Лайла Набулси, которая пятнадцать лет пробивала проект экранизации романа. – Рауль Дьюк и доктор Гонзо – два антигероя, которые отправляются в ад, принимают волшебные снадобья, блуждают в лабиринтах своих галлюцинаций, сражаются с ветряными мельницами и выживают, и мы отправляемся в путешествие вместе с ними. Это ужасает, это смешно, и то, что было правдой в начале семидесятых, остается правдой сегодня. Эта книга охватывает целый временной отрезок, когда у многих просто лопнуло терпение и эмоции хлестали через край. Это было Последнее Путешествие. Но эта книга, в конечном счете, о надежде. Хантер говорит, что вопреки всему хорошие времена настанут... потому что эта вера – единственное, благодаря чему мы можем выжить».

Разумеется, никакого репортажа о гонках Томпсон не пишет. Вместо этого он описывает свою «химическую» конфронтацию с полицейскими, барменами, гостиничными администраторами, крупье, официантками, туристами и репортерами в Лас-Вегасе, там и сям в повествовании мелькают джанки, алкоголики и сатанисты, торгующие чистым адреналином. Герои находятся в полубредовом состоянии, постоянно галлюцинируя. То Рауля Дьюка начинает оббивать пол, то он видит в клубе, как две стриптизерши насилуют белого медведя, с неба на него обрушиваются летучие мыши и скаты-манта, разодетые в пух и прах шикарные дамы и

респектабельные джентльмены превращаются в злобных чудовищ с головами мурен и тиранозавров, в гостиничных холлах летают птеродактили. Хантер агрессивен и никого не собирается жалеть. Компромисс с «молчаливым большинством» для него невозможен.

«Страх и отвращение в Лас-Вегасе» стал культовой книгой западной молодежи, которой по душе был обратный код, предложенный Томпсоном, – тотальный гедонизм, черный юмор, стеб, переплетение насилия и наркотиков. Его яростный, агрессивный и грубый стиль не имеет никаких аналогов. Он использует длинные, сложные предложения, которые в то же время могут быть понятны любому, – в них всегда есть смысл. Томпсон с большой изобретательностью обращается с английским языком, мастерски используя сленг, различные жаргоны и речевые обороты. Его не без оснований считают королем черного юмора. Пи Джей О’Рурк, друг Томпсона, говорит, что он больше поэт, чем журналист: «Две вещи резко отделяют Томпсона от примитивного стада современных литературных деляг, претендующих на радикализм... Во-первых, Томпсон просто лучше пишет... Во-вторых, он заставляет нас смеяться. Мы вряд ли в состоянии сделать это во время перформанса... скажем. «В ожидании Годо», даже если у нас и сносит башню так же сильно, как и у Рауля Дьюка, Хантер Томпсон берет самые темные и мрачные темы онтологии, самые жестокие гносеологические вопросы и в своей, присущей только ему, манере излагает их, заставляя нас сгибаться пополам в истерическом приступе хохота, наши тела от подмышек до тазового пояса сводит в судороге, колени предательски дрожат, пиво хлещет из наших носов. Мы смеемся так сильно, что в любой момент можем в хохоте проблеваться, точно так же, как 300-фунтовый самоанский адвокат доктор Гонзо в романе».

«Эта книга, – говорит Джонни Дэпп, исполнитель роли альтер-эго Томпсона Рауля Дьюка, – вышла, когда Американская Мечта испустила последний вздох. Но Хантер все еще безнадежно пытался найти ее, искал с остервенением, надеясь, что Мечта все еще существует, и все, что он нашел, так это безумие, лезущее из всех щелей,двигающееся во всех направлениях и охватившее все общество, трагедию и паранойю, алчность и ненависть. Лучший способ познакомиться с Хантером: прочитать его роман – он абсолютно искренен. В тоже время «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» – своего рода экзорцизм: он об одержимости и сумасшествии, о попытке найти хоть что-то, во что можно верить. Некоторые люди будут видеть в Дьюке и докторе Гонзо только парочку придурков и хулиганов, с телами и мозгами, до отказа начиненными «гнусной химией». Но для них это не развлечение, а жестокая необходимость».

«“Страх и отвращение в Лас-Вегасе” несколько лет следовал за мной по пятам, – добавляет режиссер Терри Гиллиам. – Десять лет назад появился сценарий, и я тогда подумал: «А было бы интересно начать девяностые с этого фильма», но в то время я был занят чем-то другим и проект так и остался на бумаге. А еще художник Ральф Стэдмэн, иллюстрировавший эту книгу и публикацию в «Роллинг Стоун» мой очень хороший друг. Но когда идея фильма появилась вновь, то я вспомнил, насколько смешна и одновременно жестока эта книга. Мир политической корректности еще не существовал, когда Хантер написал «Страх и отвращение», и я надеюсь, что она больше не будет существовать после выхода этого фильма. С восьмидесятых я остро ощущаю, что мы прошли через время постоянного ущемления самовыражения, когда все несло на себе печать подавленности. Все боялись сказать, что они чувствуют, боялись жить экстраординарной, разнузданной и дикой жизнью, и пришло время сорвать эти оковы. Роман Хантера похож на репортаж военного корреспондента с передовой. Но это была не просто бомбардировка, а самобомбардировка: он как будто забрасывал в себя наркотики, как снаряды, а полем битвы был его мозг. Но, вместо того, чтобы поехать туда, где взрываются настоящие снаряды и гибнут реальные люди, он поехал в самое сердце Америки – в Вегас. И при этом книга написана так, будто он действительно побывал в самой гуще сражения. Роман уже выразил себя. Теперь наша очередь».

А Хантер по-прежнему живет на ферме «Сова» в Вуди Крик, периодически устраивая набеги на крупные города, повергая в шок своим появлением редакторов респектабельных

журналов и постреливая по бродящим в округе толпам журналистов. «Встретиться с ним – то же самое, что с Куртцем в “Сердце тьмы”, – написал после интервью с доктором Николас Лезард из «Гардиан», над головой которого вместо приветствия просвистела пуля. Голос «Совы» звучит в час неслыханных бедствий, так что прислушайтесь к нему...

Книги доктора расходятся огромными тиражами, и людей, которые хотят слушать «лишенного надежды либерала», становится все больше и больше. Последнее время я все чаще вспоминаю «Последние слова» Берроуза: «Как я ненавижу тех, кто служит делу распространения конформизма. Ради чего? Представьте себе стерильную банальность свободной от наркотиков Америки. Ни одного наркомана, одни хорошие, чистые, порядочные американцы от моря до зияющего моря. Избавление от всей инакомыслящей части, как от нарыва. Никаких трущоб. Ни намека на тайные операции. Вообще ничего. Прямо на бесчувственных улицах среди бела дня. Без слов. Насколько хорошо будет при полном конформизме? Что же будет с неординарностью? А с личностью? А с тобой и со мной?»

Антон Охотников

Алекс Керви

*Посвящается Бобу Гейгеру
по причинам, которых не стоит
здесь объяснять, —
и Бобу Дилану
за Mister Tambourine Man*

Страх и отвращение в Лас-Вегасе

Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты

*Тот, кто становится зверем,
избавляется от боли быть
человеком...*

Доктор Джонсон

Часть первая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Мы были где-то на краю пустыни, неподалеку от Барстоу, когда наркотики начали действовать. Помню, промямлил что-то типа: «Чувствую, меня немного колбасит; может ты поведешь?..» И неожиданно со всех сторон раздались жуткие вопли, и небо заполнили какие-то хрюки, похожие на огромных летучих мышей, ринулись вниз, визгливо пища, пикируя на машину, несущуюся на пределе ста миль в час прямо в Лас-Вегас. И чей-то голос возопил: «Господи Иисусе! Да откуда взялись эти чертовы твари?»

Затем все снова стихло. Мой адвокат снял свою рубашку и лил пиво себе на грудь – для лучшего загара. «Какого хрена ты так орешь?» – пробормотал он, уставившись на солнце с закрытыми глазами, спрятанными за круглыми испанскими темными очками. «Не бери в голову, – сказал я. – Твоя очередь вести». И, нажав на тормоза, стопанул Великую Красную Акулу на обочине хайвея. «Без мазы упоминать об этих летучих мышах, – подумал я. – Бедный ублюдок довольно скоро сам увидит их во плоти».

Уже почти полдень, а нам все еще оставалось проехать более сотни миль. Суровых миль. Я знал – времени в обрез, нас обоих в момент растащит так, что небесам станет жарко. Но пути назад не было, как и времени на отдых. Выпутаемся на ходу. Регистрация прессы на легендарную «Минт 400» идет полным ходом, и нам нужно успеть к четверем, чтобы потребовать наш звуконепроницаемый номер люкс. Модный спортивный нью-йоркский журнал позаботился о брони, не считая этого большого красного «шевро» с открытым верхом, который мы взяли напрокат с парковки на бульваре Сансет... А я, помимо прочего, – профессиональный журналист: так что у меня было обязательство *представить репортаж с места событий*, живым или мертвым. Спортивные редакторы выдали мне наличными триста баксов, большая часть которых была сразу же потрачена на «опаснейшие» вещества. Багажник нашей машины напоминал передвижную полицейскую нарколабораторию. У нас в распоряжении оказалось две сумки травы, семьдесят пять шариков мескалина, пять полос промокашек лютной кислоты, солонка с дырочками, полная кокаина, и целый межгалактический парад планет всяких стимуляторов, транков, визгунов, хохотунов... а также кварта текилы, кварта рома, ящик «Бадвайзера», пинта сырого эфира и две дюжины амила.

Вся эта хренотень была зацеплена предыдущей ночью, в безумии скоростной гонки по всему округу Лос-Анджелеса – от Топанги до Уоттса – мы хватали все, что попадалось под руку. Не то чтобы нам все это было *нужно* для поездки и отрыва, но как только ты по уши вязнешь в серьезной химической коллекции, сразу появляется желание толкнуть ее ко всем чертям.

Меня беспокоила всего лишь одна вещь – эфир. Ничто в мире не бывает менее беспомощным, безответственным и порочным, чем человек в пропасти эфирного запоя. И я знал, мы очень скоро дорвемся до этого гнилого продукта. Вероятно, на следующей бензоколонке. Мы по достоинству оценили почти все остальное, а сейчас – да, настало время изрядно хлебнуть эфира. А затем сделать следующие сто миль в отвратительном слюнотечении спастического ступора. Единственный способ оставаться бдительным под эфиром: принять на грудь как можно больше амила – не все сразу, а по частям, ровно столько, сколько бы хватило, чтобы сохранять фокусировку на скорости девяносто миль в час через Барстоу.

«Старый, вот так и надо путешествовать», – заметил мой адвокат. Он весь изогнулся, врубая на полную громкость радио, гудя в такт ритм-секции и вымучивая слова плаксивым голосом: «Одна затыжка унесет тебя. Дорогой Иисус... Одна затыжка унесет тебя...»

Одна затыжка? Ах ты, бедный дурак! Подожди, пока не увидишь этих блядских летучих мышей. Я едва мог слышать радио, с шумом привалившись к дверце в обнимку с магнитофоном, игравшим все время «Симпатию к дьяволу». У нас была только одна эта кассета, и мы

непрестанно ее проигрывали, раз за разом – сумасшедший контрапункт радио, а также поддерживая наш ритм на дороге. Постоянная скорость хороша для грамотного расхода бензина во время пробега, – а по каким-то причинам тогда это казалось важным. Разумеется. В такой, с позволения сказать, поездке каждый должен внимательно следить за расходом бензина. Избегай резких ускорений и рывков, от которых кровь стынет в жилах.

Мой адвокат давно уже, в отличие от меня, заметил хитчхайкера. «Давай-ка подбросим парнишку», – проговорил он и, до того, как я успел выдвинуть какой-либо аргумент за или против, остановился, а этот несчастный оклахомский мудвин уже бежал со всех ног к машине, улыбаясь во весь рот и крича: «Черт возьми! Я никогда еще не ездил в тачке с открытым верхом!»

– Что, правда? – спросил я. – Ладно, я полагаю, ты уже созрел для этого, а?
Парень нетерпеливо кивнул, и Акула, взревев, помчалась дальше в облаке пыли.
– Мы – твои друзья, – сказал мой адвокат. – Мы не похожи на остальных.
«О Боже, – подумал я, – он едва вписался в поворот».
– Кончай этот базар, – резко оборвал я адвоката. – Или наложу на тебя пиявок».

Он ухмыльнулся, похоже, въехав. К счастью, шум в тачке был настолько ужасен, – свистел ветер, орало радио и магнитофон – что парень, развалившийся на заднем сиденье, не мог ни слова расслышать из того, о чем мы говорили. Или все-таки мог?

«Сколько мы еще *продержимся?*» – дивился я. Сколько еще времени осталось до того момента, когда кто-нибудь из нас в бреду не спустит всех собак на этого мальчика? Что он тогда подумает? Эта самая одинокая пустыня была последним известным домом семьи Мэнсона¹. Проведет ли он эту неумолимую параллель, когда мой адвокат станет вопить о летучих мышах и громадных скатах-манта, обрушивающихся сверху на машину? Если так – хорошо, нам просто придется отрезать ему голову и где-нибудь закопать. И ежу понятно, что мы не можем дать парню спокойно уйти. Он тут же наступит в контору каких-нибудь нацистов, следящих за соблюдением закона в этой пустынной местности, и они настигнут нас, как гончие псы загнанного зверя.

Бог мой! Неужели я это сказал? Или только подумал? Говорил ли я? Слышали они меня? Я опасливо бросил взгляд на своего адвоката, но он, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания – наблюдал за дорогой, ведя нашу Великую Красную Акулу на скорости в сто десять или около того. И ни звука с заднего сиденья.

«Может, мне лучше перетереть с этим мальчиком?» – подумал я. Возможно, если я *объясню* ситуацию, он слегка расслабится.

Конечно. Я повернулся на сиденье и одарил его широкой приятной улыбкой... восхищаясь формой его черепа.

– Между прочим, – сказал я, – есть одна штука, которую ты, судя по всему, должен понять.

Он уставился на меня, не мигая. Заскрежетал зубами?

– Ты слышишь меня? – заорал я.

Он кивнул.

– Это хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты знал: мы на пути в Лас-Вегас в поисках Американской Мечты.

Я улыбнулся.

– Вот почему мы взяли напрокат эту тачку. Это была единственная возможность сделать все путем. Ситуацию просекаешь?

Парень снова кивнул, но по его глазам было заметно, что он явно нервничает.

– Я хочу, чтобы ты понял первопричину, – продолжал я. – Ведь это очень опасное предприятие – можно так вляпаться, что и костей не соберешь... Черт, я все забыл об этом пиве; хочешь банку?

Он мотнул головой.

– Как насчет эфира? – не унимался я.

– Чего?

– Да так, к слову пришлось. Давай конкретно разберемся, с чувством, толком, расстановкой. Понимаешь, еще сутки назад мы сидели в Поло Ландж, в отеле «Беверли Хиллз» – во внутреннем дворике, конечно, – просто сидели под пальмой, как вдруг облаченный в гостиничную униформу карлик с розовым телефоном подошел ко мне и сказал: «Должно быть, именно этого звонка вы все это время ждали, сэр?»

Я засмеялся, вскрыл банку пива, забрызгав пеной все заднее сиденье, и продолжал рассказывать:

¹ Чарльз Мэнсон (род. 12.11.34) – «военнопленный Системы» за убийство Тейт – ЛаБианки, которое осуществили члены его «семьи», приговорен к пожизненному заключению. Поэт и музыкант. Одна из самых культовых фигур в американской контркультуре, чей образ оказал колоссальное влияние на современных музыкантов.

– И ты знаешь? Он был прав! Я *ожидал* этого звонка, но понятия не имел, от кого он. Ты слушаешь?

На лице паренька застыла маска нескрываемого страха и смущения.

А я гнул свое дальше, вскрывая брюшину правде-матке:

– Я хочу, чтобы ты понял. Этот человек за рулем – мой *адвокат*! Он не какой-то мудака, которых можно пачками нарыть на бульваре. Хрена лысого, да ты *взгляни* на него. Он не похож на нас, не правда ли? А все потому, что он иностранец. Я думаю, скорее всего самоанец. Но это ничего не значит, а? Имеешь что-нибудь против?

– Черт, да нет же! – выпалил он.

– А я так не думаю, – заявил я. – Потому что, несмотря на его происхождение, этот человек чрезвычайно ценен для меня.

Посмотрел на моего адвоката, но его разум унесло куда-то к ебням.

Я сильно и громко хлопнул кулаком по спинке водительского сиденья. «Это *важно*, черт возьми! Это *правдивая история*!» Машину противно качнуло в сторону.

– Убери руки с моей шеи, ебаный в рот! – взвизгнул адвокат, выворачивая руль. Парень, сидящий сзади, кажется, был готов выпрыгнуть из машины прямо на ходу и попытаться сделать ноги.

Наши вибрации становились все гнуснее – но почему? Я был озадачен, расстроен. Что же, в этой тачке нет и намека на человеческое общение? Или же мы – выродки, опустившиеся до уровня *бессловесных хищников*?

Потому что моя история была правдивой. Я был уверен в этом. И крайне необходимой, чувствовал я, для осмысления нашего путешествия, чтобы расставить все точки над «и». Мы действительно сидели в Поло Ландж – много часов – пили сингапурский слинг² с мескалем в придачу, заливая все пивом. И когда раздался звонок, я был готов...

Карлик, насколько я помню, крадучись, подошел к нашему столику и протянул мне розовый телефон. Я не произнес ни слова, только слушал. Затем повесил трубку и повернулся к моему адвокату:

«Звонили из штаб-квартиры, – сказал я. – Они хотят, чтобы я немедленно отправился в Лас-Вегас и встретился с португальским фотографом по имени Ласерда. Он введет в курс дела. Все, что я должен сделать, – зарегистрироваться в отеле и там он меня вычислит».

Адвокат помолчал какую-то секунду, потом внезапно оживился в кресле.

«Господи, *мать твою*! – воскликнул он. – Я полагаю, что понял *схему*. Пиздец подкрался незаметно!» – Он заправил нижнюю рубашку цвета хаки в свои белые трикотажные клеша и заказал еще выпить.

«Похоже, до того, как все это закрутится, тебе необходимо основательно проконсультироваться у юриста, – заметил он. – И мой первый совет: тебе надо взять напрокат быструю тачку без верха и убраться из Лос-Анджелеса ко всем чертям в ближайшие сорок восемь часов. – Он печально покачал головой. – Короче, мой уик-энд накрылся, потому что я, естественно, отправлюсь с тобой, и нам также имеет смысл вооружиться».

«А почему бы и нет? – сказал я. – Если овчинка и стоит выделки, то нужно делать это грамотно. Нам потребуется достойное предприятия оборудование и достаточно денег в карманах – если только брать в расчет наркоту и сверхчувствительный кассетник для постоянной дорожной музыки».

«Что это за репортаж?» – спросил он.

«“Минт 400” – отозвался я. – Старт богатейшей мотоциклетной гонки за всю историю профессионального спорта. Участвуют также автомобили для движения по песку. Фантастический спектакль в честь какого-то *вахлака толтосума* Дэла Уэбба, владельца роскошного

² Напиток из рома, коньяка и т. п. с лимонным соком, водой и сахаром. – Прим. перев.

отеля «Минт» в центре Лас-Вегаса... по крайней мере так гласит пресс-релиз; мой человек в Нью-Йорке только что прочитал мне его».

«Ну, – протянул он, – как твой адвокат я советую тебе купить мотоцикл. Каким образом ты еще сделаешь репортаж из самого что ни на есть пекла?»

«Не выйдет. Где мы сможем раздобыть “винсент блэк шэдоу”?».

«Что это?»

«Роскошный байк, – просветил я его. – У новой модели двигатель – две тысячи кубических дюймов, развивает двести лошадиных сил за четыре тысячи оборотов в минуту, силовая магниевая рама, два сиденья из пенорезины и общий точный вес – двести фунтов».

«Для такой тусовки звучит подходяще».

«А как же. Эта скотина не слишком хороша на поворотах, но по прямой охуеваешь в атаке. На взлете обгонит “F-III”».

«На взлете? – переспросил он. – А мы справимся с управлением такой образины?»

«Стопудово, – убежденно сказал я. – Сейчас свяжусь с Нью-Йорком насчет денег».

2.

Развод свиноматки в Беверли Хиллз на 300\$

В нью-йоркском офисе не были так хорошо знакомы с «винсент блэк шэдоу», как этого хотелось: они отослали меня в лос-анджелесское бюро, находившееся прямо в Беверли Хиллз, за несколько длинных кварталов от Поло Ландж, но, когда я туда добрался, дама в бухгалтерии отказалась выдать мне наличкой больше 300 долларов. «Понятия не имею, кто вы такой», – заявила она. К тому времени я уже вовсю обливался потом. Моя кровь слишком густа для Калифорнии: я никогда не был в состоянии адекватно объясняться в этом климате, не промокнув от пота... с дикими, налитыми кровью глазами и трясущимися руками.

Так что я взял триста баксов и отвалил. Мой адвокат ждал в баре за углом.

– Это не сделает погоды, – сказал он, посмотрев на деньги, – пока у нас не появится неограниченный кредит.

Я заверил его, что появится.

– Вы, самоанцы, все одинаковы – констатировал я. – У вас нет веры в обязательную порядочность культуры белого человека. Господи, да еще час назад мы сидели в той вонючей клоаке, выжатые как лимон, без сил и планов на уик-энд, когда последовал звонок от совершенно незнакомого человека из Нью-Йорка, сказавшего, что мне надо отправляться в Лас-Вегас, – а расходы охуительны, – и потом он посылает меня в какой-то офис в Беверли Хиллз, где другой абсолютно незнакомый мне человек дает мне налом триста баксов безо всякой на то причины... Говорю тебе, друг мой, это Американская Мечта в действии! Мы будем последними дураками, если не оседлаем эту странную торпеду, пущенную в неизвестную нам цель, и не промчимся на ней до конца.

– Разумеется, – отозвался он. – Мы *должны* сделать это.

– Точно. Но сначала нам нужна машина. А после кокаин. Затем кассетник для особой музыки и мексиканские рубашки из Акапулько.

Единственно стоящим вариантом подготовки к путешествию, чувствовал я, будет разодеться как павлины, обдолбаться до озверения, прохуярить по пустыне и *сделать репортаж*. Никогда не теряй из виду изначальной ответственности.

Но *каков* из себя этот репортаж? Никто не удосужился сказать. Придется нам самим выкручиваться, как угрям. Свободное предприятие. Американская Мечта. Горацио Элджер³ сошел с ума от наркотиков в Лас-Вегасе. Приступай *немедленно*: чистая гонзо-журналистика.

³ Горацио Элджер – писатель, «поставщик массового чтения для американцев» в конце прошлого века.

И тут вступал в силу социопсихический фактор. Время от времени, когда твоя жизнь усложняется и вокруг начинают виться всякие скользкие подхалимы, настоящий, действенный курс лечения – загрузиться под завязку гнусной химией, а потом мчаться, как бешеная скотина, из Голливуда в Лас-Вегас. *Расслабиться*, как это бывало, в чреве иступленного солнца пустыни. Вернуть крышу в прежнее состояние, привинтить ее наглухо болтами реальности, намазать рожу белым кремом для загара и двинуться дальше с музыкой, врубленной на полную громкость, и хотя бы с пинтой эфира.

Достать химию не составило особого труда, а вот приличные колеса и магнитофон в шесть тридцать вечера нарыть в Голливуде не так-то и легко. Моя старая машина была слишком мала и слаба для пробега через пустыню. Мы отправились в Полинезийский бар, где мой адвокат сделал семнадцать звонков, прежде чем выцепил тачку с открытым верхом, удобоваримой мощностью в лошадиных силах и подходящей окраски.

– Придержи ее, – услышал я, как он говорил в трубку. – Через полчаса мы придем заключать сделку. – Выдержав паузу, адвокат начал орать: – Что? Разумеется, у джентльмена есть основная кредитная карточка. Да вы, блядь, понимаете, с кем говорите?

– Не трать понапрасну порох на этих свиней, – сказал я, когда он с шумом бросил трубку. – Теперь нам нужно вычислить музыкальный магазин с превосходной техникой. Никакой мелочи пузатой. Необходим один из тех новых бельгийских гелиоваттов с направленным звукозаписывающим микрофоном, чтобы фиксировать обрывки разговоров со встречных машин.

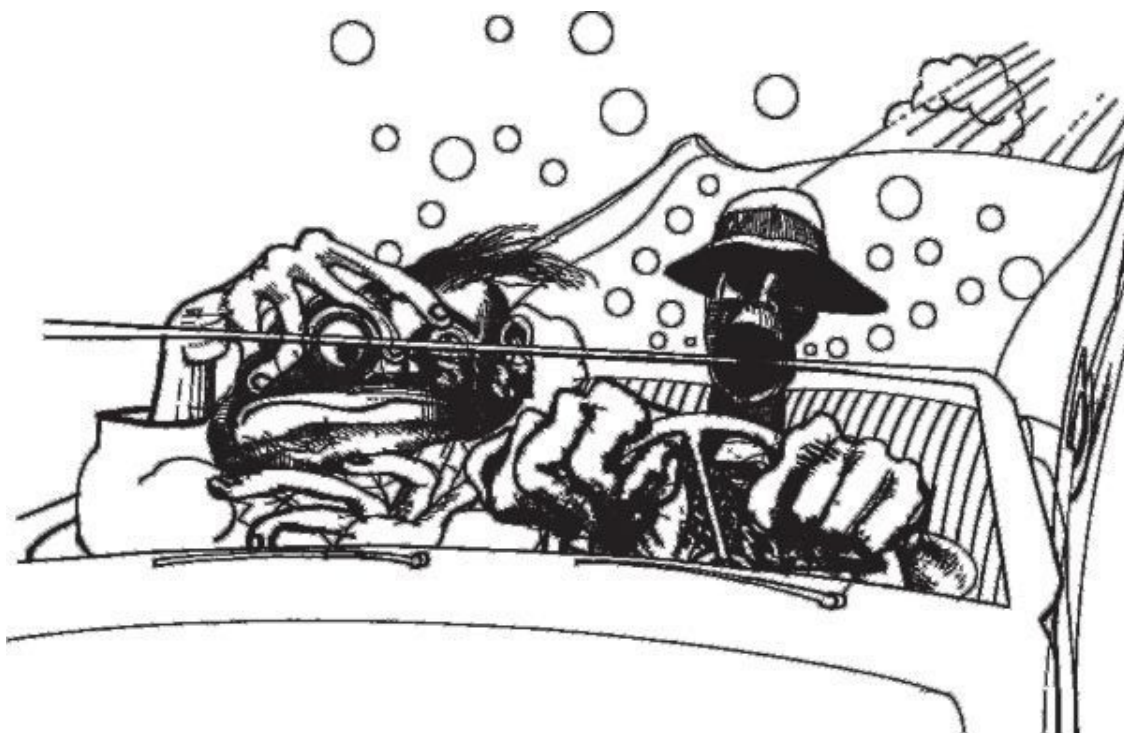
Мы сделали еще несколько звонков, и в результате нашли нашу технику в одном магазине за пять миль от бара. Он уже закрывался, но продавец сказал, что подождет, если мы поторопимся. По дороге туда мы застряли в пробке, когда на бульваре Сансет, прямо напротив нас, «стингрей» задавил насмерть пешехода. К тому времени, как мы добрались до магазина, он был закрыт. Внутри маячили какие-то люди, но они отказывались подойти к двойной стеклянной двери, пока мы не треснули по ней несколько раз, ясно обозначив наши намерения.

В конце концов продавцы, угрожающе размахивая клюшками для гольфа с железными головками, подошли к входу, и нам удалось через крошечную прорезь провентилировать вопрос о продаже товара. Потом они слегка приоткрыли дверь, только чтобы выпихнуть наружу магнитофон, быстро захлопнули ее и снова закрыли.

– А теперь забирайте свое барахло и катитесь отсюда к чертовой матери! – крикнул один из них в щель.

Мой адвокат в ярости погрозил ему кулаком.

– Мы еще вернемся, – завопил он. – На днях я вернусь и брошу в вашу говенную забегаловку бомбу! У меня здесь на чеке есть твое имя. Узнаю, где ты живешь, и спалю на хуй твой дом!.. Похоже, у него будет о чем подумать, – проворчал он себе под нос, и мы с чувством выполненного долга отъехали от этого гостеприимного места. «Этот чувак, как ни крути, – псих-параноик. Их легко вычислить».

В прокате автомобилей неприятности начались с новой силой. Подписав все бумаги, я забрался в машину и чуть было не потерял контроль над управлением, пока, врубив задний ход, пересекал стоянку к бензоколонке. Парень из прокатной конторы был явно шокирован.

– Послушайте, э... Как бы это... Вы, ребят, будете осторожно обращаться с этой машиной, а?

– Конечно.

– Боже, хочется верить! Вы только что задом объезжали полуметровый бетонный торец и даже не сбавили скорость! Сорок пять задним ходом! И чуть не врезались в бензоколонку!

– «Чуть-чуть» не считается. Я всегда проверяю коробку передач таким образом. *Легкий прикол.* Для остроты ощущений.

Тем временем мой адвокат занимался тем, что перетаскивал ром и лед из нашего старого «пинто» на заднее сиденье новой тачки. Служитель нервно взглянул на него.

– Слушайте, – сказал он. – Вы, ребят, что, *пьете*?

– Я – нет, – ответил я.

– Только загрузить горячим чертов багажник, – внезапно рявкнул адвокат. – Мы торопимся, в натуре, мать ее так. Отправляемся в Лас-Вегас на гонки в пустыню.

– Что?!

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Мы – ответственные люди.

Я подождал, пока он завернет колпачок бензобака, включил первую скорость, нарочито не спеша тронулся, и мы вклинились в поток рычащих машин.

– Еще один мнительный зануда, – заметил мой адвокат. – Судя по всему, он под завязку закинулся спидом.

– Да, надо было тебе сунуть ему немного красных⁴.

– Красные такому козлу не помогут, – возразил он. – Черт с ним. Голова другим забита. Столько еще нужно сделать, прежде чем выехать на шоссе.

– Я хочу раздобыть рясы священников. Они могут здорово пригодиться в Лас-Вегасе.

⁴ Секонал-барбитурат. – Прим. перев.

Но все магазины одежды были закрыты, а взломать церковь не хватало наглости.

– Чего зря беспокоиться? – сказал адвокат. – Ты должен помнить, что большинство полицейских – добропорядочные злобные католики. Можешь ты себе представить, что с нами сделают эти уроды, если заловят убитых в говно в краденых сутанах? Господи, да они нас кастрируют!

– Ты прав, – согласился я. – И ради Бога не кури эту трубку, пока стоим на красном свете. Всегда держи в голове, что нас уже пасут.

Он кивнул.

– Нужен большой кальян. Положим под сиденье, с глаз долой. Если кто-нибудь нас заметит, подумает, будто мы вдыхаем кислород.

Остаток ночи мы провели, затариваясь всякими веществами и загружая ими машину. Затем съели немного мескалина и отправились плавать в океане. Где-то на рассвете позавтракали в кафе Малибу, осторожно проехали город и стремительно помчались по окутанной смогом автостраде Пасадены, направляясь на Восток.

3.

Странное лекарство пустыни...

Кризис доверия

Меня все еще смутно терзал возглас нашего хитчхайкера, что он, дескать, «никогда не ездил в тачке с открытым верхом». Этот несчастный мудозвон живет в мире тачек с открытым верхом, которые все время со свистом проносятся мимо него по хайвэю, и он ни в одной из них ни разу даже не *прокатился*. От осознания этого факта я стал чувствовать себя как король Фарух. Меня подмывало заставить моего адвоката остановиться в следующем аэропорту и оформить какой-нибудь простейший, общеправовой контракт, согласно которому мы сможем просто *отдать* машину этому горемычному мудаку. Просто скажем: «Вот здесь подпиши это, и машина твоя». Дадим ему ключи, с помощью кредитной карточки быстро впишемся на реактивный самолет, летящий в какое-нибудь место типа Майами, возьмем напрокат другой огромный, цвета налитого красного яблока «шевро» для убойной, сверхскоростной гонки по мосту вплоть до самой последней остановки в Ки Уэст... а затем махнемся тачкой на лодку. Продолжая движение...

Но эта маниакальная задумка быстро отпустила. Совершенно бессмысленно было засаживать в тюрьму этого безобидного пацана – и, кроме того, у меня были *планы* на эту машину. Я предвкушал, с каким шумом мы будем носиться вокруг Лас-Вегаса на этом содомизаторе. Можно еще провести несколько серьезных автогонок по бульвару: притормозить у того большого светофора и начать орать в окружающие тебя машины:

– Ну вы, бля, засранцы поеванные! Гомосеки засратые! Когда дадут зеленый на хуй, я пиздану на полную и сдую вас всех, безмазовых подонков, с дороги!

Вот так. Бросить вызов этим ублюдкам в их же собственном огороде. С визгом тормозов подъехать к переходу, дергаясь под рев мотора, с бутылкой рома в одной руке, а другой жать на гудок, заглушая музыку... подернутые пеленой глаза с безумно расширенными зрачками, скрытыми за небольшими, черными, жлобскими, в золотой оправе очками... вопя тарбарщину... чистопородная *опасная* пьянь, от которой воняет эфиром и конечным психозом. Разогревать движок до ужасающего, пронзительного и дребезжащего скулежа, ожидая, когда дадут зеленый свет...

Как часто предоставляется такая исключительная возможность? Опустить этих козлов до самой сути их хандры и злобы. Старые слоны, прихрамывая, уходят умирать в холмы; старые американцы выбираются на автостраду и укатываются до смерти на своих невьебленных драндулетах.

Но наше путешествие было другим. Оно было классическим подтверждением всего правильного и порядочного, что есть в национальном характере. Это был грубый, физиологический салют фантастическим *возможностям* жизни в этой стране – но только для тех, кто обладал истинным мужеством. А в нас этого добра было хоть отбавляй.

Мой адвокат понимал эту концепцию, несмотря на свою расовую неполноценность, а вот до твердолобого хитчхайкера было не достучаться. Он *сказал*, что понял, но по его глазам было видно, что он не понял ни хера. Он лгал мне.

Неожиданно машину занесло к обочине, и мы плавно въехали в кучу гравия. Меня с силой долбануло о приборную доску. Адвокат тяжело рухнул всем телом на руль.

– Что случилось? – завопил я. – Нам нельзя *здесь* останавливаться. Это страна летучих мышей!

– Мое сердце, – простонал он. – Где лекарство?

– А, – отозвался я. – Лекарство, да, оно прямо тут как тут.

И полез в саквояж за амилом. Парень, казалось, окаменел.

– Не дрейфь, – сказал я ему. – У этого человека большое сердце: грудная жаба. Но у нас есть средство от этого. Да, а вот и оно...

Я вытащил четыре ампулы амила из жестяной коробочки и протянул две из них адвокату. Тот немедленно отломал одной кончик и занюхал, как и я, собственно.

Мой адвокат глубоко вдохнул и откинулся на спинку сиденья, уставившись прямо в горнило солнца.

– Прибавь-ка этой ебаной музыки! – завизжал он. – Мое сердце щелкает челюстями как крокодил!

– Звук! Частоты! Басы! У нас должны быть басы! – Он молотил руками по воздуху, от кого-то отбиваясь. – Что с нами *не так*? Что мы – две чертовы *старые гримзы*?

Я вывернул громкость радио и магнитофона до полного маразма.

– Ты, ублюдочный пропиздон-законник! – заявил я. – Фильтруй базар! Ты ведь с доктором журналистики разговариваешь!

Он смеялся как припадочный.

– Какого хуя мы забыли здесь, в пустыне? – кричал он. – Кто-нибудь, вызовите полицию! Нам нужна помощь!

– Не обращай внимания на эту свинью, – сказал я хитчхайкеру. – У него аллергическая реакция на лекарство. На самом деле мы *оба* – доктора журналистики и направляемся в Лас-Вегас, чтобы запечатлеть на бумаге главную историю нашего поколения.

И тут я заржал сам...

Мой адвокат, скрючившись, повернулся лицом к хитчхайкеру.

– А правда заключается в том, – начал он, – что мы направляемся в Вегас пришить нарколыжного барона по кличке Дикарь Генри. Я знал его столько лет, но он кинул нас как лохов – а ведь ты понимаешь, что это означает, а?

Я было хотел заткнуть ему пасть, но мы оба зашлись в безудержном и безнадежном хохоте, как два придурка. Какого мы, *блядь*, хуя делали здесь, в этой пустыне, когда у нас обоих большое сердце!

– Дикарь Генри вышел из игры! – рычал мой адвокат на этого мальчика на заднем сиденье. – Мы собираемся вырвать ему легкие!

– И съесть их! – неожиданно выдал я. – Этот мерзавец так просто не отделается! Что же происходит с этой страной, когда любой жополиз может спокойно слинять, наколов доктора журналистики, как последнего болвана?

Никто не ответил. Мой адвокат вскрыл еще одну ампулу амила, а мальчонка в панике полез наверх с заднего сиденья, в спешке перемахнув одним махом через багажник.

– Спасибо, что подвезли, – верещал он. – Спасибо *большое*. Вы мне нравитесь, парни. Не волнуйтесь *за меня*.

Едва ощутив под ногами асфальт, он помчался стремглав, как заяц, по направлению к Бейкеру. Один посреди пустыни, вокруг ни единого деревца.

– Подожди минутку! – заорал я вдогонку. – Вернись и возьми пива!

Но, очевидно, парень меня не слышал. Музыка играла на полную громкость, а он мчался от нас так, что только пятки сверкали.

– Скатертью дорога, – заметил мой адвокат. – К нам в лапы попал настоящий чудик. Этот мальчик заставил меня понервничать. Ты видел его *глаза*? – он все еще смеялся. – Господи, да лекарство-то ништяк!

Я вышел из машины и вразвалку доковылял до водительской дверцы.

– Двигайся, я поведу. Нам надо выбраться из Калифорнии, пока этот хрен не нашел легавых.

– Вот дерьмо, да здесь себя бы найти, – сказал мой адвокат. – Он в сотне миль от любой цивилизации.

– Как и мы, – констатировал я.

– Давай развернемся и поедem назад в Поло Ландж. Они никогда не будут нас там искать.

Я пропустил его замечание мимо ушей и заорал, потому что в воздухе снова что-то запищало: «Открывай текилу!» – дал газу, и мы с шумом и гиком вынеслись обратно на автостраду. Не прошло и двух минут, как адвокат склонился над картой.

– Прямо по курсу местечко под названием Мескаль Спрингс, – сказал он. – Как твой адвокат, я советую тебе остановиться и немного искупаться.

Я замотал головой:

– Нам абсолютно необходимо попасть в отель «Минт» до окончания регистрации прессы. Иначе самим придется башлять за номер люкс.

Мой адвокат закивал.

– Только давай забудем об этой хуйне с Американской Мечтой, – заявил он, перетряхивая саквояж. – Великая Самоанская Мечта – вот, что *важно*. Полагаю, настало время закинуться промокашкой. Этот дешевый мескалин уже давно выветрился из башки, и я не знаю, смогу ли еще выдержать сколько-нибудь запах этого чертова эфира.

– А мне *нравится*, – сказал я. – Мы должны промокнуть в этой дряни полотенце, затем положить его на пол под педаль газа, чтобы пары били мне прямо в физиономию на всем пути в Лас-Вегас.

Он перевернул кассету. Радио вопило: «Власть народу – прямо сейчас!» – политическая песенка Джона Леннона, опоздавшая лет на десять.

– Этот бедный дурак сунулся не в свое дело, – заметил мой адвокат. – Такая шпана просто путается под ногами, когда начинает давить из себя серьезного.

– Говоря о серьезном. По-моему, пришло время заняться эфиром и кокаином.

– Забудь об эфире, – сказал он. – Давай заначим, чтобы пропитать им ковер в гостиничном номере. Но вот это... Твоя половинка солнечной промокашки. Просто разжуй ее, как бейсбольную жвачку.

Я взял промокашку и съел. Адвокат неуклюже возился с солонкой, в которой был кокс. Открыл ее. Рассыпал. Матерясь, стал хвататься руками за воздух, в то время как наша достойная белая пыль взметнулась ввысь, разлетаясь по пустыне и автостраде. Очень дорогой маленький смерч шлейфом тянулся за Великой Красной Акулой.

– О Господи! – промычал он. – Ты видел, что Бог только что с нами сделал?

– Это не Бог сделал, – взревел я. – Это ты сделал. Ты, ебанный в рот, наркоагент! Я следил за твоими телодвижениями с самого начала, легавая ты свинья!

– Выбирай выражения, – сказал он. И внезапно ткнул мне в нос черным толстым «Магнумом-357». Одним из этих курносых питонов Кольта с конусным барабаном. – Здесь злобствуют тучи стервятников. Они склюют мясо на твоих костях еще до рассвета.

– Ах ты, блядь. Когда мы доберемся до Лас-Вегаса, я из тебя отбивную сделаю. Как ты думаешь, а что с нами сделает наркосиндикат, когда я нарисуюсь с самоанским наркоагентом?

– Они замочат нас обоих. Дикарь Генри знает, кто я такой в натуре. Твою мамашу душу в корень, я же твой *адвокат*, – и он дико расхохотался. – Ты же наглухо обкислочен, мудака ты эдакий. Произойдет охуительное чудо, если мы доберемся до отеля и зарегистрируемся там еще до того, как ты превратишься в настоящую тварь. Ты готов к этому? Зарегистрироваться в отеле Вегаса под фальшивым именем, с намерением обвести всех вокруг пальца, и с головой, наглухо забитой кислотой? – Он снова заржал, зажал ноздрю и потянулся к солонке, нацеливаясь тонкой зеленой трубочкой из 20-баксовой купюры прямо в сердце того, что оставалось от порошка.

– Сколько у нас времени в запасе? – спросил я.

– Может, еще полчаса, – ответил он. – Как твой адвокат, я советую гнать на всех парах.

Лас-Вегас прямо-таки вырастал из-под земли. Я мог разглядеть контуры отелей, начавших проступать сквозь лазурную пелену пустыни: «Сахара», главный ориентир, затем «Американа» и угрюмый «Фандерберд» – скопище серых прямоугольников, маячивших вдали, вздымалось из кактусов.

Полчаса. Укладывались впритык. Нашей целью была здоровая башня отеля «Минт» в самом центре города, – и если мы до него не доберемся, пока еще держим себя в руках, то к нашим услугам будет тюрьма штата Невада, ближе к северу, в Карсон-сити. Один раз я там уже побывал, но только для беседы с заключенными – и возвращаться туда мне не хотелось бы ни под каким видом. Так что на самом деле выбора не было: мы должны были пройти сквозь строй, и кислота вставит по первое число... Пройти через всю официальную тяготию, загнать машину в гараж отеля, охмурить администратора, пообщаться с коридорным, расписаться за пропуском для прессы – и все это липа, махровая нелегалщина, обман чистой воды, но, разумеется, должно быть сделано тип-топ.

УБЕЙ ТЕЛО, И ГОЛОВА УМРЕТ.

Эта строчка по непонятной причине появилась в моей записной книжке. Возможно, какая-то связь с Джо Фрэзиером. Жив ли он еще? Способен ли говорить? Я видел тот бой в Сиэттле – в жуткой давке за четыре места от самого губернатора, если брать вниз по рядам. Очень болезненный опыт, как ни крути, закономерный итог шестидесятых: Тим Лири – заключенный Эддриджа Кливера⁵ в Алжире, Боб Дилан стрижет купоны в Гринвич-Виллидж, оба Кеннеди убиты мутантами, Оусли⁶ складывает салфетки на Терминал Айленде и, наконец, невероятно, но факт – Кассиус/Али⁷ повержен со своего пьедестала каким-то гамбургером из человечины, накачанной до смерти. Джо Фрэзиер⁸, подобно Никсону, уступил, в конце концов, соображениям, которые такие люди, как я, отказываются понимать – по крайней мере, не лезут из кожи вон.

...Но это была уже совсем другая эра, сгоревшая дотла и канувшая в Лету прочь от похабных реалий омерзительного года Господа нашего, 1971-го. Многое изменилось за эти годы. И сейчас я был в Лас-Вегасе как редактор раздела мотоспорта этого респектабельного глянцевого журнальчика, заславшего меня сюда на Великой Красной Акуле по причинам, которые никто не удосужился объяснить. «Просто надо отметить, – сказали они, – а дальше уже наше дело...»

Конечно. Отметиться. Когда мы прибыли в отель «Минт», мой адвокат оказался не в состоянии ювелирно справиться со всеми регистрационными проволочками. Мы были вынуждены стоять в очереди со всеми остальными – что на проверку оказалось сверхсложной задачей, учитывая обстоятельства. Я продолжал твердить про себя: «Спокойно, не шуми, ничего не говори... Отвечай, только когда тебя спрашивают: имя, должность, от какого издания, ничего лишнего, игнорируй это страшное вещество, делай вид, что ничего не происходит...»

Нет слов, чтобы описать весь тот ужас, охвативший меня, когда я наконец прорвался к клерку и начал невнятно бормотать. Все мои хорошо заготовленные силлогизмы развалились как картонный домик под неподвижным взглядом этой женщины:

– А, здорово, – сказал я. – Меня зовут, хм-м... А, Рауль Дьюк... да, *в списке*, никаких сомнений в том. Бесплатный завтрак, здравый рассудок, куда уж здоровее... полное освещение всего, что движется... почему бы и нет? Со мной здесь мой адвокат, и я, разумеется, понимаю, что его имени в списке нет, но мы *должны* получить этот номер, да, этот человек на самом деле мой *водитель*. На этой Красной Акуле мы промчались от самого бульвара, а сейчас пробил час пустыни, так? Да. Просто проверьте список, и вы увидите. Не волнуйтесь. Какие здесь расценки? И что дальше?»

Женщина ни разу не моргнула.

– Ваша комната еще не готова, – сказала она. – Но вас кто-то ищет.

– Нет! – закричал я. – За что? Мы еще ничего не успели *сделать*!

Мои ноги стали как резиновые. Я вдруг крепко схватился руками за стойку и резко осел перед женщиной-клерком на пол. Она протягивала мне конверт, но я отказался его принять. Лицо женщины *менялось*: набухало, пульсировало... вперед выдавались кошмарные зеленые челюсти и клыки – морда угря мурены! Смертельно ядовитого! Я рванул назад и врезался в своего адвоката, который крепко схватил меня за руку и взял протянутую записку.

⁵ Эддридж Кливер – один из лидеров радикального крыла «Черных пантер», автор книги «Soul On Ice» («Отмороженный»). В ноябре 1968 года был выпущен из тюрьмы под залог, бежал на Кубу, потом в 1969 году перебрался в Алжир. В 1975 году вернулся в США с искренним раскаянием в своей прежней деятельности. Получив условный приговор, начал выступать с проповедями, стал членом евангелистской общины, антикоммунистом и патриотом. Позже вступил в секту Муна.

⁶ Стенли Оусли – химик-любитель, изготавливал и бесплатно раздавал кислоту всем желающим в Калифорнии.

⁷ Мохаммед Али/Кассиус Клей – легендарный боксер, многократный чемпион мира по боксу. Включен на обложку альбома «Битлз», «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера».

⁸ Джо Фрэзиер – американский боксер, отобравший у Али титул чемпиона мира.

– Я разберусь с этим, – сказал он женщине-мурене. – У этого человека плохое сердце, но у меня достаточно лекарств. Меня зовут доктор Гонзо. Немедленно приготовьте нам номер. Мы будем в баре.

Женщина пожалала плечами, в то время как он потащил меня прочь. В городе, в котором полным-полно закоренелых психопатов, никто даже и не *заметит* кислотного торчка. Работая локтями, мы пробились через переполненный вестибюль и нашли два незанятых высоких табурета у стойки бара. Мой адвокат заказал два коктейля с пивом и мескалем, а потом открыл конверт.

– Кто такой Ласерда? – спросил он. – Он ждет нас в комнате на двенадцатом этаже.

Я никак не мог припомнить. Ласерда? Что-то знакомое было в этом имени, но сосредоточиться было невозможно. Вокруг нас творились жуткие вещи. Рядом со мной сидела громадная рептилия и глодала женскую шею, по ковру разлилось кровавое месиво – на него невозможно было просто ступить, не то чтобы ходить по нему...

– Закажи туфли для гольфа, – прошептал я. – Иначе мы не выберемся из этого места живыми. Ты заметил, что эти ящерицы не испытывают никаких затруднений, когда снуют по этой мерзости, – а все потому, что у них на лапах *когти*.

– Ящерицы? – переспросил он. – Если ты полагаешь, что мы опять влипли, то ли еще будет в лифте.

Адвокат снял свои бразильские темные очки, и я увидел, что он плачет.

– Я только что поднимался наверх, встретиться с тем человеком, Ласердой, – сообщил он. – Я сказал ему, что мы знаем, чего он здесь рыщет. Ласерда *заявил*, что он – фотограф, но когда я помянул Дикаря Генри... О, это был беспроигрышный ход: он охуел. Я видел это по его глазам. Понял, что мы по его душу.

– А он врубился, что у нас есть «магнумы»?

– Нет. Но я сказал, что у нас был «винсент блэк шэдоу». Он наверняка обосрался от страха.

– Хорошо, – сказал я. – А как с нашей комнатой? И туфлями для гольфа? Мы находимся прямо в центре этого ебаного террариума! И ведь кто-то дает *бухло* этим чертовым тварям! Еще немного, и они разорвут нас в клочки. Господи, да ты погляди на пол! Ты когда-нибудь *видел* столько крови? А скольких они *уже* прикончили?

Я указал пальцем на группу, которая, похоже, на нас глазела.

– Срань Господня, да ты только посмотри на это быдло вон там! Они нас засекли!

– Это столик для прессы, – сказал он. – Именно там ты должен удостоверить наши личности и расписаться. Ладно, давай разделимся с этим дерьмом. Ты займешься ими, а я решаю вопрос с комнатой.

4.

Отвратительная музыка и звук множества дробовиков... Грубые вибрации субботнего вечера в Вегасе

В конце концов мы добрались до номера еще до наступления сумерек и мой адвокат немедленно связался по телефону с бюро обслуживания – заказал четыре клубных сэндвича, четыре креветочных коктейля, квартиру рома и девять свежих грейпфрутов.

– Витамин С, – объяснил он. – Нам пригодится все, что можем достать.

Я согласился. К тому времени алкоголь начал перебивать кислоту, и мои галлюцинации опустило до терпимого уровня. В чертах официанта из бюро obsługi смутно проскальзывало что-то от облика рептилии, но я уже больше не видел огромных птеродактилей, с грохотом проносящихся по коридорам, покрытым лужами свежей крови. Единственная проблема теперь заключалась в гигантской неоновой вывеске за окном, которая мешала обзору близлежащих

гор, – миллионы цветных шариков выписывали в своем беге сложнейшую цепь, странные символы и филигранные, испускающие громкое жужжание...

– Выгляни в окно, – сказал я.

– Зачем?

– Там большая... машина в небе... какая-то электрическая змея... движется прямо на нас.

– Застрели ее, – сказал мой адвокат.

– Не сейчас, – отозвался я. – Хочу изучить ее повадки.

Он направился в угол и стал дергать за шнур, чтобы опустить жалюзи.

– Слушай, – проговорил он. – Кончай этот базар про змей, пиявок, ящериц и им подобных. Ты меня грузишь.

– Да не волнуйся ты, – сказал я.

– *Волнуйся?* Господи, да я чуть там в баре не тронулся. Они никогда больше нас туда не пустят, особенно после того, что ты устроил за столиком прессы.

– А что я устроил?

– Ах ты, скотина. Да я оставил тебя всего на *три минуты!* Ты напугал тех людей до усрачки! Размахивал этой своей чертовой мухобойкой и кричал о рептилиях. Тебе повезло, что я вовремя вернулся. Они уже собирались вызвать полицию. Я сказал, что ты всего лишь пьян и я отведу тебя в нашу комнату под холодный душ. Черт, да единственная причина, по которой нам дали пропуска прессы, это чтобы от тебя отвязаться. – Он нервно расхаживал по комнате. – Боже, эта сцена просто вывела меня из себя! Я *должен* что-то принять. Что ты сотворил с мескалином?

– Саквояж, – ответил я.

Он открыл сумку и съел две пилюли, а я снова завел волынку на магнитофоне.

– Пожалуй, тебе следует съесть только одну такую, – сказал он. – Кислота все еще тебя держит.

Я не возражал.

– Мы должны выбраться до темноты на гоночный трек, – сказал я. – Но у нас есть время посмотреть по ящику новости. Давай порежем вот этот грейпфрут и сделаем изящный ромовый пунш, может, кислоту вымоет... А где тачка?

– Мы оставили ее кому-то при парковке. У меня есть квиток в портфеле.

– Какой номер? Я позвоню им сказать, чтобы они вымыли ублюдка, отдраили его до блеска.

– Хорошая идея, – сказал он, но не смог найти квиток.

– Ну, вот все и ебнулось, – сказал я. – Мы никогда не убедим их отдать машину, если не предъявим доказательства, что она наша.

Он маленько поразмыслил, взял телефон и попросил соединить его с гаражом.

– Это доктор Гонзо из восьмьсот пятидесятого, – сказал он. – Похоже, я потерял свой парковочный талон на тот красный «шевро» с открытым верхом, что я вам оставил, но я хочу, чтобы машина была вымыта и готова через полчаса. Можете мне выслать дубликат талона?... Что... А?... Да, прекрасно. – Он повесил трубку и потянулся за трубочкой гаша. – Никаких проблем, – заметил он. – Этот человек запомнил мое лицо.

– Это хорошо, – откликнулся я. – Они, наверное, приготовили специально для нас большую сеть и ждут, когда мы появимся.

Его передернуло:

– Как твой адвокат, я советую тебе обо мне не беспокоиться.

По ящику в новостях передавали о вторжении в Лаос – картинки кошмарного бедствия: взрывы и разрушенные дома, падающие самолеты, беженцы, спасающиеся от террора, генералы Пентагона, лопочущие несусветную ложь.

– Выключи это дерьмо на хер! – завопил мой адвокат. – Давай *выбираться* отсюда!

Умное решение. Прошло всего ничего, мы забрали машину, и не успел я взять ситуацию под контроль, как мой адвокат впал в наркопрострацию и помчался на красный свет по глав-

ной улице. Я перетащил его на заднее сиденье и сам сел за руль... чувствуя себя превосходно, в высшей степени собранно. В проезжающих мимо нас машинах я видел болтающих между собой людей и захотел разобрать, что они говорят. Все они. Однако переносной микрофон лежал в багажнике. Ну и пусть себе лежит. Лас-Вегас не тот город, в котором ты можешь спокойно ехать по главной улице, наставляя на людей прибор, похожий на базуку.

Включить радио. Включить магнитофон. Смотреть вперед на заходящее солнце. Опустить все окна, чтобы лучше вкусить прохладный ветер из пустыни. Вот это я понимаю. То, что доктор прописал. Полный контроль. В субботний вечер в Лас-Вегасе катят себе в удовольствие по главной трассе два клевых парня в ярко-красном, яблочного цвета «шевро»... обкуренные, закинутые, обдолбанные... Хорошие люди.

Боже мой! А это что за ужасная музыка?

Боевая песнь лейтенанта Кэлли

*...Мы продолжали двигаться вперед...
Когда я достиг своей последней базы,
В той стране, лежащей за солнцем,
Верховный спросил меня...*

(О чем он тебя спросил, Растии?)

«...Сражался ли ты или бежал?»

(И что ты ему ответил, Растии?)

*«... Мы ответили на их ружейный огонь всем,
что у нас было...»*

9

Нет! Мне *почудилось!* Это все наркотик. Взглянул украдкой на адвоката, но он уставился прямо в небо, и я понял, что его мозг уже достиг той последней базы, что лежит за солнцем. «Слава Богу, что он не слышал музыки», – думал я. С ним бы случился припадок расистского безумия.

К счастью, песня кончилась. Но мое настроение было вконец испорчено... а тут еще наступил приход от злодейского кактусового сока, погрузивший меня в состояние первобытного страха... Мы неожиданно подъехали к повороту на «Стрелковый клуб “Минт”». «Одна миля» – гласил знак. Впрочем, еще за милю с гаком я мог слышать похрюкивающий рев двухцилиндровых мотоциклетных моторов, рокочущий вдали... а затем, подобравшись еще ближе, я услышал другой звук.

Дробовики! Никаких сомнений в тупом, глухом звуке этих выстрелов.

Я остановил машину. Что, черт возьми, здесь творится? Поднял все окна и медленно съехал на дорогу, усыпанную гравием, низко пригнувшись над рулем... пока не увидел около десятка фигур, целившихся из дробовиков в небо и стрелявших через равные промежутки.

Они стояли на бетонной стене прямо в пустыне, среди мескитовых деревьев, этого жалкого маленького оазиса в пустоши к северу от Вегаса... Сгрудившись со своими дробовиками

⁹ *Растии Кэлли* – лейтенант, под руководством которого была уничтожена вьетнамская деревня Сонгми, ставшая символом жестокости американцев во Вьетнаме.

в пятидесяти ярдах от одноэтажного бетонного блокгауза, окруженного полицейскими машинами, трейлерами и мотоциклами, наполовину в тени от десяти или дюжины деревьев.

Ну конечно. «Стрелковый клуб “Минт”»! Эти лунатики не терпели *ни малейшего* посягательства на их тренировочные стрельбы по мишеням. А еще около сотни байкеров, механиков и других типов, имевших отношение к мотоспорту, болтались у ремонтного пункта, подписываясь на участие в завтрашней гонке, лениво потягивая пиво и превознося до небес технику друг друга, – и прямо в центре всего этого высились люди с дробовиками, равнодушные ко всему, кроме глиняных тарелочек, выбрасываемых в воздух автоматами каждые пять секунд или около того, и всегда попадающие в такт своими выстрелами.

«Ладно, что нам, в падлу?» – подумал я. Стрельба задает определенный ритм – наподобие четкой партии бас-гитары – этому пронзительному хаосу звуков мотоциклетного сборища. Я припарковал тачку и смешался с толпой, оставив адвоката пребывать в его коматозном состоянии.

Купив пива, я стал наблюдать за регистрацией мотоциклов. Там преобладали «Хаскварнас-405», мощные шведские «шаровые молнии», а также было много «ямах», «кавасаки», несколько 500-х «триумфов», «мэйкос», попадались «СЗ» и «пюсанги» – все мотоциклы-вседорожники, очень быстрые, со здоровыми фарами. В этой лиге не было места «боровам», отсутствовали даже «спортстеры»... Дело шло к тому, чтобы включить в это соревнование по пропахиванию дюн нашу Великую Красную Акулу.

«Может быть, мне это *устроить*?» – думал я. Вписать моего адвоката как водителя, а потом выставить его на старт под кислой и эфиром. Что им, слабо?

Никто не отважится бросить вызов на треке человеку с наглухо съехавшей крышей. Он рванет в первой шеренге и одним ударом выбьет из гонки четыре или пять машин-«пустынников» – кислотный полет камикадзе.

– Сколько стоит заявка на участие? – спросил я регистратора.

– Два с полтиной, – ответил он.

– А как быть, если я скажу тебе, что у меня есть «винсент блэк шэдоу»?

Он недружелюбно покосился на меня, не говоря ни слова. Я заметил револьвер 38-го калибра, торчавший у него за поясом.

– Забудьте, – сказал я. – Мой водитель все равно болен.

Глаза регистратора сузились:

– Твой водитель не единственный здесь больной человек, приятель.

– У него кость застряла в горле, – сказал я.

– Что?

Мужик начал звереть, но внезапно его взгляд метнулся куда-то в сторону. Он уставился на какой-то новый объект...

На моего адвоката; нет на нем больше его темных датских очков, нет больше рубашки из Акапулько... он выглядел довольно дико – тяжело дыша, полуголый.

– Какие-нибудь неприятности? – проревел адвокат. – Этот человек – мой клиент. Ты готов предстать перед судом?

Я схватил его за плечо и мягко поволок прочь.

– Не парься, – сказал я. – Речь идет о «черной тени»: они не впишут этот байк.

– *Минутку!* – закричал он. – Что ты имеешь в виду, говоря, что они его не *впишут*? Ты заключил *сделку* с этими свиньями?

– Разумеется, нет, – ответил я, толкая его вперед к воротам. – Но ты наверняка заметил, что они все вооружены. Мы здесь единственные люди без пушек. Ты что, не слышишь всю эту *пальбу*?

Адвокат приостановился, прислушался и неожиданно помчался со всех ног к машине.

– Ах вы, хуесосы! – вопил он через плечо. – Мы еще вернемся!

К тому времени, как мы выехали на «шевро» обратно на шоссе, он уже был в состоянии нормально разговаривать:

– Господи Иисусе! Как только мы оказались среди этой банды маньяков-изуверов? Пора мотать на хуй из этого города. Эти гондоны пытались нас *убить!*

5.

Делая репортаж...

Промелькнувшая перед глазами пресса в действии...

Уродство и облом

Гонщики были готовы на рассвете. Над пустыней красиво взошло солнце. Однако гонка начиналась в девять, и нам надо было убить три долгих часа в казино, сразу за аренной: вот там-то и начались неприятности.

Бар открывался в семь. В бункере также имелась закусочная, а-ля «кофе с пончиками», но у тех из нас, кто проторчал всю ночь в таких местах, как «Цирк-Цирк», не было настроения пробавляться кофе с пончиками. Мы хотели крепких напитков. Наше раздражение нарастало, принимало извращенные формы, и таких по меньшей мере было около двухсот, так что бар открыли рано. К половине девятого вокруг игровых столов уже толпилась масса народу. В помещении можно было вешать топор, стоял шум, гам, повсюду раздавались пьяные вопли.

Неожиданно в бар вломился костлявый, средних лет урел в майке «Харли-Дэвидсон» и заорал:

– Черт подери! Какой сегодня день – суббота?

– Больше похоже на воскресенье, – бросил кто-то.

– Ха! Вот *сука*, а? – воскликнул громила в «Х-Д», ни к кому конкретно не обращаясь. – Вчера вечером я бил баклуши дома на Лонг-Бич и кто-то мне брякнул, что сегодня проводят «Минт 400». Я и говорю своей старушке:

– Ну, мать, я еду.

Он захохотал.

– А она стала нести такую пургу, ну понятно ваше... Я и устроил ей выволочку, а потом вдруг смотрю: два чувака, которых я никогда раньше в жизни не видел, вытаскивают меня на тротуар и пиздят по полной программе. Господи! Да они меня в говно отделили.

Он снова засмеялся, говоря в толпу и совершенно не обращая внимания, слушают его или нет.

– Так, ебты! – продолжил он. – Потом один из них спрашивает: «Ты куда едешь?» А я и говорю: «В Лас-Вегас, на «Минт 400». Тут они дали мне десять баксов и подбросили до автобусной станции... – Он сделал паузу. – По крайней мере, я *думаю*, что это были они... И вот, как ни крути, я оказался здесь. И я скажу вам, мужики, эта долгая ночь была сущим *адам!* Семь часов на автобусе, твою мать. Но когда проснулся, уже светало, и я оказался в центре Вегаса, и на миг даже не врубился, какого хрена здесь *делаю*. Все, о чем я подумал, было: «О Боже, начинай снова-здорово, хуева корова – кто разведется со мной на этот раз?»

Он взял у кого-то из толпы сигарету и глупо осклабясь прикурил.

– Но вот тогда я, хвала Всевышнему, вспомнил! Я же приехал сюда на «Минт 400»... а это, бля, мужик, все, что мне надо было знать. И я скажу тебе: быть здесь чудно, мужик. Меня, ебты, не колышет, кто выиграет или проиграет. Просто замечательно быть сегодня здесь с вами, люди...

Никто с ним не спорил. Мы все поняли. В некоторых кругах «Минт 400» котируется гораздо, гораздо выше, чем финал чемпионата мира по бейсболу, дерби в Кентукки и финаль-

ные заезды в Нижнем Оукленде, вместе взятые. Эта гонка привлекала довольно специфическую породу зевак, и наш парень в майке «Харли» был явно одним из них.

Корреспондент из «*Life*» дружелюбно кивнул мне и крикнул бармену:

– Сезам, откройся!

– И не тяни резину, – зарычал я, лаская дерево стойки растопыренной, ободранной ладонью. – Почему бы и не пять стопок? Да, хули! Тащи нам десять!

– Поддерживаю! – орал человек из «*Life*». Он уже потерял за стойкой свою хваленую хватку, отчаянно клюя носом, но все еще продолжал говорить авторитетно и со знанием дела: – Это волшебный миг в спорте! Он может никогда больше не повториться! – тут его голос резко сорвался. – Я однажды пил «Тройную корону», – пробормотал он, – но она в подметки этому пойлу не годится.

Женщина с лягушачьими глазами похотливо вцепилась в его ремень.

– Вставай! – умоляла она. – *Пожалуйста*, вставай! Ты будешь просто красавчиком, если только *встанешь*!

Журналист безумно загоготал.

– Послушайте, мадам, – отмахнулся он. – Я, черт возьми, почти неописуемо хорош сидя на своем месте и не капая людям на мозги. У вас *крыша* поедет, если я встану!

Женщина продолжала дергать его. Ей грезилась его объятия, пока он два часа бухал. А теперь она делала свой ход. Мужик из «*Life*» не хотел дармового кусочка мандятины ни за какие золотые горы: он все глубже проваливался в свое забытие, роняя голову на колени.

Я отвернулся. Все это было слишком отвратно. А ведь мы являлись, помимо прочего, сливками национальной спортивной прессы. И собрались здесь, в Лас-Вегасе, для выполнения особого задания: освещения четвертой ежегодной гонки «Минт 400»... и когда попадаешь в такую заваруху, дурака валять не приходится.

Но уже сейчас – даже еще до запуска этого спектакля – налицо явные признаки того, что мы можем потерять контроль над ситуацией. В это прекрасное утро в Неваде, когда прохладное солнце взошло над пустыней, мы зависли в каком-то грязном бетонном бункере, баре и игорном доме под названием «Стрелковый клуб “Минт”» в десяти милях от Вегаса... и к началу гонки все были пугающе дезорганизованы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.